

Меры уголовно-процессуального принуждения. Обзор круглого стола от 22.09.2017

Аннотация. Обобщены результаты работы круглого стола «Меры уголовно-процессуального принуждения», организованного 22 сентября 2017 г. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета. Изложены основные проблемы, поднимавшиеся участниками: 1) направления уголовной политики по применению мер уголовно-процессуального принуждения в российском уголовном процессе; 2) сущность вспомогательного доказательственного процесса по установлению оснований для принятия решения об избрании меры пресечения; 3) роль тяжести преступления и возможности назначения наказания на длительный срок при первоначальном избрании меры пресечения в виде заключения под стражу; 4) взаимодействие органов прокуратуры и следствия при избрании заключения под стражу; 5) эффективная стратегия адвокатской деятельности при избрании заключения под стражу; 6) понятие подозрения и различные его степени по законодательству Германии; 7) соотношение понятий «подозрение» и «задержание»; 8) принцип соразмерности как условие заключения под стражу в немецком уголовном процессе. Описана возникшая дискуссия.

Ключевые слова: Юридический институт СФУ, круглый стол, меры уголовно-процессуального принуждения, доказывание, заключение под стражу, подписка о невыезде и надлежащем поведении, немецкий уголовный процесс, подозрение.

DOI: 10.17803/1994-1471.2018.94.9.243-248

Каждому процессуалисту есть что сказать о мерах принуждения. Не стали исключением и члены кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета, орга-

низовавшие в рамках X Международной научно-практической конференции «Енисейские политико-правовые чтения» круглый стол «Меры уголовно-процессуального принуждения». Мероприятие объединило представителей как

© Шагинян А. С., Скоблик К. В., 2018

* Шагинян Армен Степанович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, заместитель директора Юридического института Сибирского федерального университета sfu-sharm@yandex.ru

660075, Россия, г. Красноярск, ул. Маерчака, д. 6, ауд. 4-17

** Скоблик Константин Владимирович, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета

8923362@gmail.com

660075, Россия, г. Красноярск, ул. Маерчака, д. 6, ауд. 2-22

Юридического института СФУ, так и прокуратуры, следствия, аппарата уполномоченного по правам человека, адвокатского сообщества.

Модератором круглого стола стал Александр Дмитриевич Назаров, д. ю. н., доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики ЮИ СФУ. Он же и выступил первым с докладом «Современная уголовная политика по применению мер уголовно-процессуального принуждения в российском уголовном процессе». Начав с понятия «уголовная политика», А. Д. Назаров описал ее современный период как характеризующийся гуманизацией, либерализацией, повышением правовой защищенности личности, поиском оптимального соотношения между интересами сохранения неприкосновенности личности, ее частной жизни и борьбы с преступностью (баланс между стратегией обвинения и стратегией защиты). Перейдя к мерам принуждения, Александр Дмитриевич сконцентрировал внимание на заключении под стражу, обосновывая это тем, что именно применение данной меры пресечения наиболее сильно посягает на охраняемые Конституцией РФ и международным правом свободы человека и гражданина. Связывая высказанные им положения об уголовной политике с заключением под стражу, докладчик сделал вывод об осторожном ее избрании в настоящее время в отношении несовершеннолетних, предпринимателей, женщин, престарелых, больных. При характеристике домашнего ареста и залога, наоборот, была подчеркнута их распространенность в уголовно-процессуальной практике.

Далее с докладом «Вспомогательный доказательственный процесс по установлению оснований для принятия решений об избрании меры пресечения» выступил А. С. Барабаш, д. ю. н., профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮИ СФУ. Подчеркнув сложность определения понятия «юридическая ответственность», он отметил, что мера процессуального принуждения ответственностью быть не может. Развивая эту идею, ученый доказывал наличие в ст. 97 УПК РФ не оснований для избрания мер пресечения, а целей (чтобы лицо не скрылось, не продолжило заниматься преступной деятельностью и т.д.). Основания же, применительно

к избранию каждой меры пресечения, должны быть такими, чтобы психологическое влияние на лицо, в отношении которого мера избирается, и, следовательно, его сдерживание были успешными. Иными словами, каждая мера пресечения эксплуатирует ту или иную ценность. Например, залог следует избирать людям, напоминающим Плюшкина из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»: они из-за сильного страха потерять имущество не нарушат эту меру. Дейтельность по установлению требуемых оснований, по мнению Анатолия Сергеевича, является отдельным доказательственным процессом, который может быть назван «вспомогательным». Он разделяется: 1) на установление оснований, говорящих о необходимости в принципе избрания меры пресечения; 2) уточнение того, какая именно мера пресечения из 7 возможных должна быть применена.

Сделанный доклад вызвал много вопросов. Один из них задал А. С. Шагинян, к. ю. н., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮИ СФУ, поинтересовавшись, как следователь сможет доказать наличие оснований для избрания залога, не являясь его инициатором. А. С. Барабаш назвал решение законодателя в данном случае неправильным. Залог не должен избираться по инициативе того, кто его вносит, поскольку последний не способен доказать, что именно залог станет сдерживающим фактором, обеспечивающим реализацию целей, стоящих перед мерами пресечения. Для уточнения содержания доклада А. С. Шагинян также спросил: «Почему в схеме принятия решения об избрании меры пресечения суд выводится за рамки субъектов доказывания? Например, следователь ходатайствует обоснованно об избрании заключения под стражу, однако судья полагает, что есть основания для избрания домашнего ареста. Не будет ли в этом случае судья субъектом доказывания?» В ответ профессор А. С. Барабаш пояснил, что судья будет только лицом, принимающим решение, поскольку его вывод основывается на предоставленных ему данных, сам же необходимую информацию он не собирает.

Прокомментировал доклад и Р. А. Северин, заместитель начальника ГСУ ГУ МВД России по

Красноярскому краю, добавив, что А. С. Барабаш, используя метод исключения для принятия решения об избрании заключения под стражу, руководствовался только характеристикой того лица, в отношении которого эта мера применяется (отношение к деньгам, домашнему комфорту и т.п.). Следователь же, по его мнению, должен шире подходить к вопросу избрания меры пресечения: в обязательном порядке нужно учитывать права и интересы других участников. Если преступление совершено в соучастии, следует, кроме того, принимать во внимание и взаимоотношения соучастников.

Далее выступил А. Б. Судницын, к. ю. н., начальник кафедры уголовного процесса СибЮИ МВД РФ, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮИ СФУ. Характеризуя тяжесть преступления и возможность назначения наказания на длительный срок при первоначальном избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, он подчеркнул:

- 1) основания и условия для избрания мер пресечения разделены на общие условия и основания; условия избрания конкретной меры пресечения и обстоятельства, изложенные в ст. 99 УПК РФ;
- 2) даже при наличии недочетов, примеров несоблюдения положений закона, система избрания мер пресечения, действующая в настоящее время, вполне жизнеспособна;
- 3) тяжесть совершенного преступления и грозящего наказания должна рассматриваться как сведения, подтверждающие, что лицо, оценивая их, возможно, скроется от расследования, суда. Идея эта давно высказывалась классиками и подтверждается практикой ЕСПЧ;
- 4) на первоначальном этапе следствия для избрания меры пресечения в виде содержания под стражей достаточно подозрения в совершении тяжких и особо тяжких преступлений. Указанное соответствует практике ВС РФ, судов субъектов РФ (Воронежского областного суда, Красноярского краевого суда) и прецедентам ЕСПЧ.

Заканчивая свое выступление, процессуалист отметил невозможность не учитывать все остальные элементы системы правовых предпосылок для избрания мер пресечения, но для

подтверждения основания — в неординарной ситуации первоначального этапа следствия, дефицита информации — можно использовать сведения о тяжести совершенного преступления.

Мыслями по итогам доклада поделились Е. Б. Смирнова, советник юстиции, старший прокурор отдела по надзору за уголовно-процессуальной деятельностью территориальных органов МВД России, МЧС России, ФСНП России, ФССП России, ФСИН России, и Д. В. Андреев, советник юстиции, старший прокурор отдела по надзору за процессуальной деятельностью органов Следственного комитета РФ. По мнению Д. В. Андреева, если говорить о тяжести содеянного и об осознании наказания, то нужно учитывать, что факт совершения преступления уже должен быть доказан, т.е. должна иметься сильная уверенность в совершении этим лицом тяжкого или особо тяжкого преступления, чтобы мотивировать избрание в отношении него меры пресечения. Сделать же это невозможно до тех пор, пока дело не будет рассмотрено по существу. Поскольку суд, избирая меру пресечения, не вдается в оценку доказательств, то не совсем корректно и закладывать как основание для избрания меры пресечения тяжесть совершенного преступления.

Сказанное представителем прокуратуры поддержал А. С. Барабаш, заметив, что тяжесть преступления не может быть сама по себе основанием для заключения под стражу: иное означало бы, что к лицу, совершившему тяжкое или особо тяжкое преступление и явившемуся с повинной, тоже необходимо применять эту меру пресечения.

Подключились к работе круглого стола и студенты Юридического института.

И. Султанов, учащийся магистратуры ЮИ СФУ, привел следующий пример. Недавно СК РФ в рубрике «Следствие 24» отчитался о раскрытии убийства. По фабуле дела сожительница убила своего сожителя. В отношении нее была избрана только подписка о невыезде и надлежащем поведении, а не заключение под стражу. Такая ситуация, по мнению магистранта, как раз доказывает влияние на выбор меры пресечения не только тяжести совершенного преступления, но и других обстоятельств.

Дополняя сказанное И. Султановым, в качестве приглашенного эксперта выступил Р. А. Северин. Он подчеркнул, что законодателем на следователя возложена большая ответственность не только при установлении всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, но также и при общении с участниками уголовного судопроизводства. В ходе взаимодействия с подозреваемым, обвиняемым на следователя как раз возлагается обязанность избрать адекватную меру пресечения в целях недопущения со стороны лица, привлекаемого к уголовной ответственности, совершения других преступлений. В этом вопросе необходимо руководствоваться действующим законодательством, холодным умом, не подпадать под влияние эмоций. Выступающий подчеркнул, что в последнее время с целью избежания общественного резонанса заключение под стражу в виде исключения избирается и в случае совершения преступления с неосторожной формой вины. Говоря же о домашнем аресте, представитель МВД усомнился в его эффективности, поскольку эта мера не налагает ограничений на членов семьи, общий круг знакомых, которые, согласно практике, используются для оказания лицом, в отношении которого избран домашний арест, влияния на свидетелей, соучастников преступления.

В свете сказанного представитель прокуратуры Д. В. Андреев поинтересовался у Р. А. Северина: должен ли следователь как самостоятельный субъект согласовывать свою позицию об избрании меры пресечения с прокурором — лицом, поддерживающим государственное обвинение в суде? В качестве ответа и одновременно пожелания вернуться к былой практике Р. А. Северин привел пример советского подхода, допускавшего возможность прокурора, в случае необходимости, даже допрашивать несовершеннолетних при решении вопроса об избрании меры пресечения. Помимо этого, мнение прокурора важно и потому, что ему в дальнейшем участвовать в судебном процессе, поддерживать обвинение.

И. Б. Лапин, к. ю. н., представитель аппарата уполномоченного по правам человека в крае, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮИ СФУ, обратил внимание, что,

затронув проблему отнесения следователя/прокурора к стороне обвинения, участники подняли более глубокие вопросы, чем тема организованной дискуссии. Кроме того, разговор об избрании мер пресечения включает также и вопросы, связанные с условиями содержания под стражей, медицинским обеспечением, социальными связями, а не только обсуждение самого процесса принятия решения о применении меры пресечения.

Включилась в дискуссию и И. Г. Иванова, к. ю. н., адвокат, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮИ СФУ. Согласно ее мнению, в определенных случаях вместо меры пресечения может быть избрана и мера принуждения, например обязательство о явке, которая, по сути, заменяет подписку о невыезде и надлежащем поведении. Обратила Инна Геннадьевна внимание и на то, что мера пресечения порой используется как способ воздействия на поведение «фигуранта» уголовного дела: в случае признания вины задержанному избирается подписка о невыезде, при отказе — заключение под стражу.

С похожих позиций выступил М. В. Голик, адвокат Первой красноярской краевой коллегии адвокатов. Основываясь на своем опыте, он подчеркнул, что зачастую подписка о невыезде отменяется автоматически, вследствие непредъявления обвинения в течение 10 дней.

А. С. Салакко, адвокат Первой красноярской краевой коллегии адвокатов, соискатель кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮИ СФУ, осветил отдельные аспекты адвокатской деятельности при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Опрошенные им юристы пояснили, что по делам, в которых их подзащитными были крупные бизнесмены, чиновники, имелось два основных направления использования характеризующего материала. Первое — большой массив доказательств с места работы подзащитного, предоставляемый для рассмотрения ходатайства об избрании заключения под стражу. Второе — сбор информации о материальном положении подозреваемого/обвиняемого как социально сдерживающем факторе. Например, наличие движимого/недвижимого имущества, бизнеса, действующих

организаций, компаний на территории РФ оценивалось адвокатами как довод о невозможности подзащитного скрыться. В заключительной части А. С. Салакко остановился на использовании СМИ как на одном из опосредованных способов защиты по уголовным делам.

Завершали работу круглого стола сообщения о зарубежном опыте. Первой выступила Я. М. Плошкина, к. ю. н., консультант Законодательного собрания Красноярского края, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮИ СФУ. Сконцентрировавшись на понятии подозрения, докладчица рассказала о дифференциации по законодательству Германии различных степеней подозрения, являющихся основанием для применения отдельных мер пресечения. С наличием подозрения связано также и появление специфических участников уголовного судопроизводства. Так, по УПК Германии, наряду с обвиняемым, существуют «свидетели, находящиеся под подозрением», отличающиеся от всех остальных свидетелей тем, что в отношении них выдвинуто подозрение о причастности к совершению уголовно наказуемого деяния. Таким образом, термин «подозреваемый» используется и в законодательстве, и в судебной практике Германии применительно и к «подозреваемому свидетелю», и к обвиняемому, т.е. к тем лицам, в отношении которых существует подозрение. Раскрывая понятие «подозрение в немецком уголовном процессе», Я. М. Плошкина указала, что «...это волевой акт органа, осуществляющего уголовное преследование, в котором выражено его стремление проводить преследование в отношении обвиняемого лица». При этом Яна Михайловна критически отнеслась к этому определению как содержащему формально-логическую ошибку, «круг в определении»: понятие «подозрение» определяется через понятие обвиняемого, в то время как дефиниция последнего сама содержит в себе понятие «подозрение».

Уточнил сказанное А. В. Метелкин, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮИ СФУ. Он обратил внимание на понимание в УПК Германии подозрения больше в криминалистическом, нежели в процессуальном смысле. Перечислил выступающий

также и виды подозрения по процессуальному закону ФРГ: «начальное подозрение», «достаточное подозрение», «сильная степень подозрения». При этом наличие именно последнего вида является основанием для избрания обвиняемому заключения под стражу. Искомое подозрение, в соответствии с немецкой доктриной, имеет место тогда, когда имеющиеся данные во всей совокупности свидетельствуют о высокой вероятности того, что обвиняемый совершил преступление в качестве исполнителя или соисполнителя. При определении же сильной степени подозрения необходимо исследовать только фактическую сторону, т.е. выяснять вероятность совершения преступления конкретным лицом. Трудность для ученых Германии, как отметил А. В. Метелкин, составляет и вопрос о разграничении двух типов подозрения — «достаточного» и «сильного».

Резюмируя предыдущие доклады, Л. В. Майорова, к. ю. н., руководитель международных программ и доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮИ СФУ, сказала о наличии многих схожих черт между уголовным процессом России и Германии. Возвращаясь к российской практике, она перешла к соотношению понятий «задержание» и «подозрение». Ключевым здесь явился вопрос интервала между тем, как лицо было задержано, и тем, когда оно стало подозреваемым в процессе. Затем выступающая сосредоточилась на норме, существующей в Германии и бывших социалистических странах, позволяющей задерживать лицо не только уполномоченным субъектам, но и гражданским лицам. Это может сделать как сам потерпевший, так и любой другой. «В России же вопрос этот не регулируется, как в других странах, за исключением ст. 38 УК РФ и постановления Пленума ВС РФ от 27.09.2012 г. № 19 “О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление”», — завершила Людмила Викторовна.

Последним делал доклад А. Г. Трофимик, ассистент и аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮИ СФУ. Рассуждая о принципе соразмерности как материальном условии заключения под стражу в немецком

уголовном процессе, молодой ученый решил отойти от излишней теоретизации своего исследования. Изучив § 112 УПК Германии, он сделал следующие выводы:

- 1) базовыми условиями, традиционно принимаемыми юристами при вынесении решения о заключении под стражу, являются наличие криминалистической характеристики («сильное подозрение») и основания для заключения под стражу;
- 2) юридическими условиями заключения под стражу выступают: вероятность побега лица или сокрытия доказательственного материала, тяжесть преступления, опасность его повторения;
- 3) вынося решение о заключении под стражу, немецкий судья, как указал Конституцион-

ный Суд Германии, должен учитывать интересы общественности, а также поступательное, непрерывное течение уголовного судопроизводства;

- 4) вывод о соразмерности делается от противного, т.е. если не установлена явная несоразмерность, то условие считается соблюденным. При определении соразмерности также учитывается санкция нормы, нарушенное правовое благо и конкретная форма проявления, а также все прочие релевантные составу преступления обстоятельства.

Подводя итоги, модератор круглого стола А. Д. Назаров призвал не ставить точку в обсуждении мер уголовно-процессуального принуждения, поблагодарил участников за продуктивную работу и интересные доклады.

MEASURES OF CRIMINAL PROCEDURE COMPULSION. REVIEW OF THE ROUND TABLE HELD ON SEPTEMBER 22, 2017

SHAGINYAN Armen Stepanovich — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Deputy Director of the Law Institute of the Siberian Federal University
sfu-sharm@yandex.ru
660075, Russia, Krasnoyarsk, ul. Maerchaka, 6, aud. 4-17

SKOBLIK Konstantin Vladimirovich — Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Law Institute of the Siberian Federal University
8923362@gmail.com
660075, Russia, Krasnoyarsk, ul. Maerchaka, 6, aud. 2-22

Abstract. The results of the round table “Measures of criminal procedure compulsion”, organized on September 22, 2017 by the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Law Institute of the Siberian Federal University, are summarized. The main problems raised by the participants are outlined: 1) the direction of the criminal policy on the application of measures of criminal procedural compulsion in the Russian criminal process; 2) the essence of the auxiliary evidentiary process for establishing the grounds for making a decision on the choice of a preventive measure; 3) the role of the severity of the crime and the possibility of imposing punishment for a long period during the initial election of a preventive measure in the form of detention; 5) the interaction of the prosecution authorities and the investigation in the election of detention; 6) an effective strategy of advocacy in the election of detention; 7) the concept of suspicion and its various degrees under German law; 8) the ratio of the concept of “suspicion” and “detention”; 9) the principle of proportionality as a condition of detention in the German criminal process. A discussion has arisen.

Keywords: Law Institute of the Siberian Federal University, round table, measures of criminal procedural coercion, proving, imprisonment, recognizance and proper behavior, German criminal procedure, suspicion.